

ШЭРОН ЛИНН ФИШЕР

АНТИКВАРНАЯ ЛАВКА ГРИММ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф68

Sharon Lynn Fisher, 2024
GRIMM CURIOSITIES
All rights reserved.

Публикуется с разрешения
Amazon Publishing, www.apub.com,
при содействии Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского *Е. Ковалевой*
Иллюстрация на обложку *А. Жижицы*
Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Лазаревой*

Фишер, Шэрон Линн.

Ф68 Антикварная лавка Гримм: [роман] / Шэрон Линн
Фишер; [пер. с англ. Е. В. Ковалева]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2027. — 352 с. — (Тайны и зелья).

ISBN 978-5-17-188735-3

Старинные книги, древние чары и одно очень темное Ро-
ждество.

Йорк, 1851. В снежном декабре, в самом населенном при-
зраками городе Англии происходят странные события. Лиззи
Гримм трудится не покладая рук, пытаясь спасти антикварную
лавку отца от разорения. Мать Лиззи и сестра ее нового знакомо-
го — Энтони Карлайла поражены недугом: обе замолчали после
общения с духами. Лиззи и Энтони ищут разгадку и находят
редкие книги о святочных мифах. Эти книги жаждет получить
коллекционер, но хозяйка лавки не спешит продавать их, пони-
мая, что они таят в себе множество секретов.

Лиззи и Энтони предстоит разгадать тайну, даже если это
выпустит на свободу самый мрачный миф Рождества.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-188735-3

© 2024 by Sharon Lynn Fisher
© Ковалева Елена, перевод, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2027

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА

Прежде чем отправиться в путешествие, вам не помешало бы освоить несколько каверзных йоркских словечек.

«Бар». Топонимы с окончанием «бар», например Монк-Бар, означают городские ворота. Это слово пришло из скандинавского языка, некогда распространенного в этих краях. В Йорке такие ворота установлены в средневековой стене. Все они когда-то имели опускающиеся решетки (у Монк-Бар она сохранилась до наших дней) и были укреплены барбиканами.

«Гейт». Названия улиц здесь часто оканчиваются на «гейт», например Гудрамгейт. Это слово также имеет древнескандинавское происхождение.

«Гиннел». По сути, это узкий проход между стенами или зданиями. Он помогает пешеходам срезать путь. Еще одно название для таких переулков — сникет.

«Шемблз». Район Йорка, история которого уходит корнями, по меньшей мере, в Средневековье. Здесь когда-то располагались лавки и жилые дома мясников. В наши дни он привлекает огромное количество туристов.

*Вскочив в свои сани, присвистнул он звонко,
И ввысь,
как пух чертополоха, олени его понеслись.*

***Клемент Кларк Мур
«Рождество на пороге», 1823 г.***

АНТИКВАРНЫЕ ДИКОВИНКИ

*Город Йорк, Англия
12 декабря 1851 года*

Говорят, что из всех городов Англии больше всего призраков водится в Йорке. И я, пожалуй, единственный человек, которого называли в честь одного из них. Мама дала мне имя Лиззи в память о маленькой девочке, чей дух когда-то обитал в этом доме, но после моего рождения она больше не появлялась. Думаю, мама знала, что делает.

Мы живем над антикварной лавкой на улице Гудрамгейт. Еще три года назад делами в «Антикварной лавке Гримм» заправлял мой отец, Герберт Гримм. Он обожал старые, никому не нужные вещи, и чем диковиннее они были, тем в больший восторг он приходил. Я никогда не видела, чтобы он смотрел на маму с такой любовью, как однажды глядел на голландскую самшитовую трубку семнадцатого века с чашей в виде головы старого лесника.

У отца была еще одна слабость — безудержная страсть к сладкому. В конце концов она-то его и сгубила (по крайней мере, так нам говорил врач). В одночасье мы лишились и его чутья на ценности, и почти всех деловых связей. Мы с мамой изо всех сил старались держаться на плаву,

просматривали газеты в поисках объявлений об аукционах и продажи вещей из частных коллекций. Но мало кто горел желанием иметь дело с женщинами, даже из семьи Гримм. Нам советовали продать лавку.

Ни одна из нас не могла даже мысли допустить об этом. Лавка была частью отца, а значит, и частью нашей семьи. Она, со всеми диковинками, стала для меня таким же домом, как и комнаты наверху. И вместо того, чтобы ее продать, мы выделили угол, где мама начала принимать посетителей в качестве медиума. Люди платили ей, чтобы она разговаривала с мертвыми.

Первое время мама сомневалась, переживая о нашей репутации в Йорке. Но я убедила ее, что сеансы спиритизма прекрасно впишутся в уже существующую в лавке атмосферу жутковатой притягательности. Я заверила ее, что жители местных долин и вересковых пустошей будут обращаться к ней забавы ради, надеясь заполучить историю для друзей.

Мы и представить не могли, что наша авантюра окупится с лихвой. За считанные месяцы «Мадам Гримм» стала гораздо успешнее, чем антиквариат отца. К маме приезжали даже из Эдинбурга и Дублина. Некоторые обращались к ней из праздного интереса, но даже они часто получали больше, чем ожидали. Мама не занималась дешевыми трюками, она обладала настоящим даром.

Но каждый дар имеет свою цену. Славные времена длились всего год, и вот двадцать третьего декабря прошлого года мама поговорила с последним призраком и замолчала. Навсегда. С тех пор она проводила дни в комнатах над лавкой, глядя в окно на дома напротив и людей, прогуливающих по мощеной улице.

Деньги, которые она заработала, пошли на погашение долгов, и какое-то время это помогало нам выживать. Но теперь мы снова задолжали за аренду, и домовладелица дала нам время до первого января, чтобы расплатиться. Мы рассчитывали, что декабрь поможет нам пережить первые, самые тяжелые месяцы нового года, когда продажи заметно падают.

Многое зависело от рождественского сезона.

— Мама? — позвала я, прежде чем внести чай и тосты. Я поставила поднос на столик рядом с ее креслом и, выглянув в окно, воскликнула: — Ах! Как красиво! — В жемчужном свете раннего утра крупные снежинки, похожие на кружевные лоскутки, плавно опускались на крыши и покрытые сажей дымоходы. С улицы доносились радостные возгласы. — Мама, посмотри, первый снег!

Еще в начале года я сказала бы, что выражение ее лица осталось безучастным. Но за это время я научилась замечать даже самые незначительные изменения в ее эмоциях. Вот сейчас она едва заметно улыбнулась. Пусть только глазами, но это была надежда, за которую я цеплялась.

— Я спущусь и открою лавку, — сказала я. — Снег должен настроить людей на покупки к Рождеству. Постучи каблуком по полу, если я тебе понадоблюсь.

Как и всегда по утрам, я ждала ее ответа, хотя прекрасно знала, что его не последует. Я коснулась ее плеча.

— Мама, позавтракай.

Она перевела взгляд с окна на чашку с чаем, а затем поднесла ее к губам. Я чувствовала, что прежняя мама все еще здесь. Теперь, впервые после того, как недуг овладел ею, она снова начала есть самостоятельно, но только если напомнить

ей об этом. Доктор Стюарт говорил, что у нее шок и что со временем она оправится. Вот только последние месяцы он начал настоятельно рекомендовать мне поместить ее в лечебницу на окраине города. А я не могла избавиться от мысли, что, если поддамся на уговоры, мама никогда уже не вернется домой. К тому же об этом месте ходили довольно жуткие слухи.

Доктор Стюарт всегда относился к маминему дару скептически и даже неодобрительно. Он полагал, что ей не стоит верить в духов и что ее работа медиумом была лишь прихотью, которая и повредила ее рассудок. Он винил моего отца за то, что, пока тот был жив, он не искоренил ее «странности». Но папа обожал их даже больше, чем свой любимый пудинг.

Тихо вздохнув, я ушла вниз, оставив маму завтракать в одиночестве.

В детстве я боялась спускаться в лавку в темноте. Помимо антикварной мебели, старинных книг и ювелирных украшений там были кости, черепа, змеиные шкуры, а на стенах висели головы животных. А еще там стоял огромный, наводящий на меня ужас черный лакированный шкаф восемнадцатого века, покрытый замысловатой резьбой. Мне казалось, что внутри него прячется вурдалак, который в любой момент выскочит и утащит меня к себе в логово, откуда я уже никогда не выберусь.

Детство, проведенное в подобном месте, весьма способствовало развитию воображения.

Я спустилась, осторожно, чтобы не оступиться на лестнице, не споткнуться о медвежью шкуру и не опрокинуть витрину с игрушками. Сначала зажгла масляные лампы, а потом свечи на подоконниках, рядом с которыми уже были разложены стеклянные елочные украшения и ве-

точки остролиста. Стараясь не запачкать платье, я высыпала уголь из ведра в печку, отперла дверь и вышла на свежий зимний воздух.

Снежинки продолжали кружиться в воздухе, создавая особую атмосферу на улице, которая сегодня была оживленнее, чем обычно. Я запрокинула голову и закрыла глаза, ловя щеками и ресницами несколько белых хлопьев.

Их ледяные поцелуи вызвали улыбку.

Я достала из кармана фартука часы. Почти половина девятого — пора открывать лавку. У меня оставалось еще несколько свободных минут, и я направилась в кондитерскую, расположенную чуть дальше по улице.

— Доброе утро, мисс Лиззи! — радостно воскликнула миссис Финч, продолжая отсчитывать сдачу покупательнице.

Меня окутал восхитительный аромат рождественских специй.

— Доброе утро, миссис Финч.

Покупательница, дама примерно маминого возраста в темно-зеленом платье, поблагодарила миссис Финч и вышла из магазина. Миссис Финч вытерла руки о безупречно чистый фартук. Ее круглые щеки порозовели от жара, а медно-рыжие кудри были спрятаны под крахмальным белым чепцом.

— Сегодня, думаю, будет оживленно, — сказала она. — Главное, чтобы сильный снегопад не начался.

— Да, я тоже на это надеюсь!

— Что я могу предложить вам в это прекрасное утро?

Я окинула взглядом прилавков.

— У вас есть рождественский кекс?

— А как же без него. — Она открыла витрину и достала кекс, украшенный засахаренными фруктами. — Что-нибудь еще, милочка?

— Это все, но не могли бы вы его нарезать? Я подумала, что он мог бы стать праздничным угощением для наших покупателей.

— Славная идея, — согласилась она и положила кекс на прилавок, ловко нарезала его, а затем упаковала в коробку. После чего снова открыла витрину и достала маленький имбирный пряник в форме звезды, посыпанный сахарной пудрой. — Вот, возьмите для вашей мамы.

— Что вы, не на...

— И слышать ничего не хочу, — перебила она, положив пряник в коробку с рождественским кексом. — Передайте ей это с наилучшими пожеланиями. Шиллинг за рождественский кекс.

— Вы очень добры, — искренне поблагодарила я, открывая кошелек. Мама обожала имбирные пряники.

— Было время, мисс Лиззи, когда нас с мужем не особо жаловали. А ваши родители всегда проявляли к нам доброту, я никогда этого не забуду.

Семья Финчей была ирландскими иммигрантами, а жители Йорка порой и вправду вели себя бессердечно.

К горлу подступил комок, отчего голос слегка дрогнул, когда я ответила:

— Что ж, благодарю вас. Мама будет очень рада. Доброго дня, миссис Финч.

— И вам доброго дня, милочка.

Когда я выскользнула на улицу, в кондитерскую вошли мама с дочкой, оживленно обсуждавшие снежную погоду. Их смех преследовал меня до самой лавки, и сердце сжалось от боли.

«Ну хватит, Лиззи, сейчас не время раскисать».

Как это часто бывало, мое настроение заметно испортилось. Но сегодня я не могла предаваться унынию.

Вернувшись в лавку, я отложила имбирный пряник до чаепития, а ломтики рождественского кекса выложила на блюдо, которое поставила на круглый столик вместе с вилками и стопкой блюдец. Затем взяла с витрины несколько веточек остролиста для украшения. Отец всегда говорил, что индивидуальный подход — ключ к успеху. Только так я могла оправдать шиллинг, потраченный на кекс.

В процессе раскладывания угощения один из ломтиков кекса развалился, и только я отправила его в рот, как раздался звон колокольчиков, висевших на ручке входной двери.

В лавку вошел мужчина. Пока он снимал шляпу, я проглотила кусок выпечки целиком, толком не прожевав. На дорогом темном пальто-накидке посетителя еще лежали снежинки, но они таяли буквально на глазах. Он был высоким, с аккуратно подстриженными черными волосами, смуглой с золотистым оттенком кожей, темными глазами и легкой щетиной, которая подчеркивала его левой подбородок.

Я расправила плечи, надеясь, что на руках и лице не осталось следов угольной пыли, и, откашлявшись, произнесла:

— Добро пожаловать в лавку Гримм, сэр.

Он растерянно замешкался у двери. Возможно, забрел не туда.

— Могу я вам чем-то помочь?

— Я... да, наверное. — Он повертел шляпу в руках и обвел взглядом помещение, прежде чем снова посмотреть на меня. Теперь, казалось, его взгляд был иным: заинтересованным, но не оскорбительным. Мои щеки вспыхнули от смущения. — Я пришел к мадам Гримм, — сказал он. — Это вы?

Вот оно что. Уже несколько месяцев никто не заходил в лавку, чтобы попасть на сеанс к маме. А те, кому мне приходилось отказывать, не всегда были любезны в ответ.

Я шагнула к нему.

— Я мисс Гримм, — произнесла я спокойно. — Полагаю, вы имеете в виду мою мать.

— Вот как. — Его взгляд скользнул по задней части лавки.

— Если вы пришли в надежде поговорить с медиумом, то мне очень жаль сообщить, что она больше не предоставляет услуги. Надеюсь, вы прибыли не издалека.

— Вот как, — повторил он упавшим голосом. Затем прочистил горло. — Как вы думаете, она могла бы сделать исключение?

— Я... я боюсь, это невозможно, сэр.

— Я заплачу вдвое больше обычной суммы, если...

— Говорю же, это невозможно.

— Вот как.

Я поморщилась.

— Простите. Просто она больна, и уже давно. Дело не в деньгах.

Он тяжело вздохнул и покачал головой.

— Нет, это вы меня извините. Простите за настойчивость.

Я присмотрелась к нему внимательнее. Он был красивым и, судя по всему, здоровым мужчиной, возможно на пять лет старше меня, но на лице его я заметила явные следы бессонницы: темные круги под глазами и заострившиеся скулы — признаки, так хорошо знакомые мне по собственному отражению в зеркале.

— Могу я предложить вам чашечку чая?

Его брови поползли вверх, и я сама удивилась тому, что творю. Наверное, его печальный вид

вызвал у меня сочувствие. Мне стало совестно, что я его разочаровала, но пора было заняться работой. В тот же миг колокольчики снова звякнули, и в лавку вошли дама и джентльмен.

— Очень любезно с вашей стороны, но не стоит, — ответил он, а я испытала одновременно облегчение и разочарование. — Пожалуй, я просто осмотрюсь.

— Да, пожалуйста, — кивнула я. — Вернусь к вам через минуту.

И повернулась, чтобы поприветствовать новых посетителей. Мистер и миссис Лэкленд искали подарок для богатой тетушки, и мне удалось заинтересовать их чучелом павлина, не особо старым, но отлично выполненным и до жути похожим на живого. Я купила его на распродаже в одном имении. Сын миссис Финч помог мне в этом. Он оделся в один из папиных костюмов, который мама подшила еще до болезни. Кажется, Лэкленды уже были готовы совершить покупку, но в последний момент мистер Лэкленд предложил жене пройтись по другим лавкам, и они ушли. Мое сердце упало. Продажа этого безвкусного создания со стеклянными глазами покрыла бы долг за аренду. Может, я назвала слишком высокую цену?

— Обидно, должно быть.

Я подняла взгляд и обнаружила, что джентльмен, который пришел первым, не сводит с меня глаз. Мои щеки покраснели от смущения. Неужели он заметил, как я расстроена?

— Это моя работа, — ответила я, выдавив улыбку.

— Хм, — недоверчиво протянул он. Казалось, он оправился от прежнего разочарования, и я невольно задалась вопросом, зачем же ему понадобилась мама.

